

Андрей ПЕРМЯКОВ

ИСКУССТВО БЛАГОЙ ЖИЗНИ В ПЕРЕМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ

Сергей Трунёв. Письма пограничника. – Саратов: Музыка и быт, 2021. – 92 с.

*это присказка, только присказка
сказки нетути
С. Трунев*

Аннотация «Писем пограничника» предельно лаконична: «В новую книгу вошли стихи 2004–2021 годов». То есть написанные после далёкого во времени предыдущего сборника «Боковая линия» (2004). И сначала похоже, будто «Письма» даже не столь развивают прежнюю работу автора, сколько конспектируют её. В самом деле, «орудия поэтической речи» – те, о которых Мандельштам писал в самом начале «Разговора о Данте», – Трунёв приручил весьма давно. Применяет и переменивает он те орудия для исследования интонационного, фонетического и прочего звучания мира:

силлаботоника, сила ботаника,
сила батончика марс
помнишь ли, милая, в вешних проталинках
город по имени маркс...¹

Рефлексия по поводу освоенных размеров, вкрапления верлибра и белого стиха, отсылки к пластам советской, досоветской и мировой культур. Чего ж нам боле? Первые стихотворения новой книги не разочаруют давних читателей Сергея Трунёва, но скорее побудят проникнуться ностальгией. Они, те стихи, есть явный и прямой продукт эволюции творений прежних². Впрочем, тому есть причина: расположенные в не совсем хронологическом порядке, первые тексты новой книги написаны в 2004-2005 годах, то есть сразу после «Боковой линии». Преемственность законна и понятна.

Авторское восприятие мира фокусирует себя в таком тексте точно единым кадром:

тапки на босу ногу, халат на плечи
как обычно ночью, как никогда тверезый
вдруг ощутишь, что больше заняться нечем
выйдешь на лоджию и обнаружишь... звезды

сколько лет небесный атлас глаза листают
но моральный закон немотствует, Кант свидетель
если где на свете есть хорошо местами
пусть туда с Колымы откинутся наши дети
<...>

докури бычок, улыбнись на прощанье звездам
реже спи, не храни патроны в картонной пачке
не свисти о том, что в провинции чистый воздух
на столе редис и в сортирном бачке заправка

13.09.05

¹ «Выпьем за тех кто командовал ротами, / кто умирал на снегу, / Кто в Ленинград прорывался болотами, / горло ломая врагу», например.

² Как мы теперь знаем, эволюция отнюдь не означает прогресса. Она есть продукт адаптации к миру.

В пропущенных нами четырёх центральных катренах присутствуют и даже действуют Эйнштейн, Постум, Арарат, калашный ряд, бомжи. Все – в пространстве культурно обусловленных коннотаций. С подобающей иронией и с внятыми взаимодействиями с Колымой и Кантом, явленными в начале стихотворения.

Засим тональность меняется. О себе автор всегда говорил с более суровой и явной иронией, применяя ассоциации не литературно-философские, а относящиеся совсем к другому регистру:

посчитаем цыплят по осени
в догонялки рванем по радуге
не беда, что мошонка с проседью
если то, что повыше, радуется...

Стихотворение являет собой не перепев более старого текста, но, скорее, вступает с тем текстом в диалог, своеобразно продолжая:

Окрасился месяц багрянцем
Как бритва в дрожащей руке
Вот так и подохну засранцем
В своём никаком далеке

2004

Словом, в своей первой четверти книга «Письма пограничника» видится неким развитием и вариациями предыдущих авторских тем. Похоже, так всё и пойдёт себе далее: вот блок стихотворений о мире внешнем, вот о себе, не слишком любимом, вот о взаимодействии мира и себя... Интересно, привычно, уютно.

Однако далее становится иначе. Причём – радикально иначе. Хотя инаковость эта построена на довольно неочевидных нюансах. Собственно, при внимательном чтении книги отличия заметны и в первых, условно говоря, описательных, стихотворениях «Писем». Прежде всего, переменялось авторское восприятие внешнего. Прежде наружный мир был непременно одушевлён и антропоморфен. Как в следующем стихотворении, написанном пару десятилетий назад:

На окне, затянутом марлёвкой
Ласточки, слепые златошвейки
Первые эскизы прошивают

Улица цветёт аккордеоном
Целый день жирует чья-то свадьба
Что тебе тупой индейский потlach...

Теперь стало по-другому. Мир людей изведен почти целиком. Как изведены и миры собственной личности. Внешняя реальность отделена неким фундаментальным барьером. Она принципиально иная, непостижимая, тем более – не взаимодействующая с нами напрямую. Напротив: лишь мы можем придать ей некое человеческое измерение, дабы чуть понять. Благо человека стало много, слишком много в нашем мире:

<...>

призрачно все: верить, любить, дышать
зазимовать бы в толще твоей перины
блеклая цапля в сморщенных камышах
выглядит балериной

09.10.12

В написанном мною (А.П.) абзаце, предшествующем процитированному фрагменту стихотворения, легко найти парадокс или даже глупость. Каким образом внешний мир может не взаимодействовать с человеком? Человек – законная, неотъемлемая часть мира. Деваться ему некуда.

Тут нам придёт на помощь ставшее вдруг невероятно популярным хорошо забытое интеллектуальное движение. Стоицизм. Вернее, «Новый стоицизм». В цивилизации и около проходят «Недели стоицизма», выходят журналы, есть сообщества вроде Moscow Stoa и даже Modern Stoicism Ltd (в дословном переводе – «Компания “Новый стоицизм” с ограниченной ответственностью»). Или ООО «Современный стоицизм». Но вот такая экономико-правовая ситуация в мире теперь).

Один из ведущих деятелей движения, философ и, что очень показательно – биолог Массимо Пильюччи пишет: «...я стал стоиком. Это не означает, что я превратился в камень, чуждый каких-либо эмоций. Как бы я ни любил мистера Спока (в образе которого создатель “Звездного пути” Джин Родденберри воплотил весьма наивное понимание стоицизма), эта безэмоциональность представляет собой самый распространенный и самый ошибочный стереотип о стоицизме. Но в действительности стоицизм – это не подавление или сокрытие эмоций, а их осознание, размышление об их причинах и умение направлять их себе на благо. Это понимание того, что находится под нашим контролем, а что – нет: следует сосредоточить усилия на первом, вместо того чтобы напрасно тратить их на второе»³.

Похоже, стоицизм – единственное на сей момент европейское философское течение, возродившееся и развивающееся спустя две с половиной тысячи лет после момента своего возникновения. Впрочем, истоки явления скрыты во времена куда более глубокие, а полного забвения и утраты актуальности стоических учений не было за все эти несусветные годы. Тони Лонг пишет: «Гомеровский “твердый в бедствиях” и “многоумный” Одиссей был почетным стоическим героем, а Сократ, вдохновлявший Зенона (и не сходящий со страниц Эпиктета), умер за сто лет до основания стоической школы. Есть и более современные примеры – скажем, обыденный стоицизм из прекрасной песни Ирвинга Берлина: “У меня есть солнце утром и ночью луна. Нет ни денег в банке, ни особняка, ни яхты, но я доволен тем, что у меня есть”»⁴.

Привлекательность мировоззрения понятна: раз среди столпов движения на равных присутствуют столь разные люди, как император Марк Аврелий; эстет, аристократ, моралист Сенека; и, например, раб Эпиктет – философия стоицизма интересна наверняка. Но за прошедшие века изменилось премное. И, может, особенно – за последнее столетие. Древнегреческая Стоя, её римские последователи, а также те, кто пытался возродить дух предшественников на границе Возрождения и Нового времени, были уверены: космос устроен разумно, а критерием соответствия индивидуума этому космосу будет прямое следование Пути и обоснованное чувство благородной правоты. Назло внешним обстоятельствам или в согласии с оными – дело третье.

Тут возникают хитрости и противоречия.

Мы, конечно, и до сих пор не знаем, устроен наш мир по совершенному замыслу или создан прихотью стихий. Но узнали другое: флуктуации, где побеждает стохастика,

³ Массимо Пильюччи. Как быть стоиком: Античная философия и современная жизнь. М.: Альпина нон-фикшн, 2021 (второе издание). – 279 с.

⁴ Тони Лонг. Стоицизм античный и современный / Перевод Стаса Нарановича // Сигма. 14.08.2019. <https://syg.ma/@stas-naranovich/toni-longh-stoitsizm-antichnyi-i-sovriemiennyi>

где царит хаос, могут занимать весьма значительные области в пространстве и времени. Это доказано учёными людьми и даже математиками. За такие доказательства давали Нобелевские премии⁵. В подобные флуктуации может попасть каждый из нас с предсказуемо фатальным исходом. И современникам предстоит жить в таких же флуктуациях. И детям, может.

Узнали мы и третье: родное бессознательное, живущее в каждом, не принадлежит ни телу, ни душе. То есть разделение духовного и телесного, высказанное, к примеру, Окуджавой: «Руки на затворе, голова в песке /А душа уже взлетела вроде...» работает для внешнего наблюдателя. Внутри всё гораздо запутанней.

Всё это знает поэт Трунёв. Он же – Сергей Игоревич Трунёв, доктор философских наук, профессор. Конечно, известен ему и «Новый стоицизм». Думаю, относится к новой интеллектуальной моде наш автор с преизрядной долей иронии. Тем не менее, многие цитаты и даже целые стихотворения из второй трети «Писем пограничника» прям-таки напрашиваются в манифесты этого движения. Вот лежат не сильно молодые, но и нестарые дядьки в кардиологическом отделении или в травматологии. Юная санитарочка бегают среди них, вертя тем, что вертится. К ней бы испытывать родительские или неродительские чувства, а получается, что она ухаживает за выздоравливающими как за малышняй. Бред, который надо принять и превзойти:

<...>
в 8.00 санитарка выносит судно
точно дитя полуоткрывши рот
тертуллиан изрек: верую, ибо абсурдно
было бы правдой, кабы наоборот
14.12.17

Или гораздо тоньше, честнее, на редкость отключив фирменную иронию. Почти отключив. Разговор в следующем стихотворении идёт о том, что про мир неизвестно – разумен он или не очень; о том, что про нас известно – мы должны выстоять. Но выстоять можно только вдвоём. Из текста никоим образом, ни прямым, ни косвенным не следует: обращается поэт к своей любимой, к своей единомышленнице, или к своей душе. Предположу третий вариант наиболее вероятным, но это сугубые домыслы. Мне просто стихотворение очень понравилось:

все в этом мире бrenно, все, исключая нас
перелицовано, перекроено, перепето
но, не в пример воде, у мира есть свой каркас
и это мы и ты, кажется, знаешь это

долг всякой сваи встать и стоять столпом
даже если течение уносит все, что было когда-то близким
а что на душе, так это уже потом
узнают филологи из нашей с тобой переписки

кто-то скажет, мол, лучше скитаться как вечный жид
переходя из города в город, от трона к трону
но мы не такие, мы предпочитаем жить
пряча живую ткань под мертвой корой бетона

⁵ Илья Романович Пригожин, виконт Бельгии, лауреат Нобелевской премии 1977 г.

не отступать, не вертеться тугим угрем
чтобы упасть к ногам многим не хватит лестниц
поверь мне, милая, мы никогда не умрем
это о нас будут слагать стихи и горланить песни
13.05.16

Зыбкий собеседник. Собеседница. Любой другой, глядящий на тебя. Они очень нужны самому стойкому стоику. Ибо «видно, до смерти, Марковна», ибо «неловко атавизму мезозоя / брести среди покрытосеменных».

То есть книжка получилась уже дважды: сначала как продолжение хорошо начатого поэтического дела, затем – как отражение новой культурной реальности адекватными средствами.

Но, главное, оказывается, только началось. Про это главное мы и попробуем дальше сказать, но сперва ненадолго отвлечёмся. Локализуем действие книги. Действие это происходит на Волге. Факт, что за пару последних десятилетий в нашей стране возникли интереснейшие региональные поэтические феномены, набил оскомину и стал общим местом. И, кажется, для саратовских поэтов Волга оказалась более важным феноменом, нежели даже для поэтов нижегородских. Только нижегородцы образовали некую общность, а саратовцы, скорее, дружат по-человечески, нежели ищут общности поэтической.

У Алексея Александрова, земляка, почти ровесника и поэтического антипода Сергея Трунёва, Волга играет роль оси мира. Действие происходит равным образом по обе стороны реки, а также под нею, в мире инфернальном. И над нею, разумеется. У Трунёва выходы в иное измерение явлены не менее, однако Волга исполняет тут роль абсолюта – не в теологическом смысле слова, а в терминах геометрии Лобачевского: вне доступа к этой Волге тоже, конечно, что-то происходит, но нам того не понять и даже не увидеть. Или, как сказал сам автор: «...во всем здесь есть какая-то истина / несоразмерная средствам земных наук».

Мне просто показалось важным отметить важность локального присутствия на берегу *имплицитной Волги* для совсем разных поэтов из очень разных городов. Об этом будет интересно поговорить тщательней и подробней, но пока продолжим о книге Трунёва. О финальной части этой книги. О стихах, написанных в 2020-2021-м году. Относительное обилие этих текстов совсем не противоречит авторской сентенции: «...в жизни так мало событий / реально достойных записи» (01.04.21).

В этих стихотворениях, во-первых, снова подведён итог некоего этапа. Действующие лица прежние, чуть постаревшие, обзаведшиеся хозяйством и домашней скотинкой. Каждый – в меру своей удачи:

бомж угловатый внешности вейтса тома
из кинофильма френсиса форда копполы
дома мимо прошел не со всеми дома
рядом собачки (двое): Вокруг да Около

Около около баков очистки нюхает
мелкий Вокруг за хвостом без устатку носится
у мужика дома нет и в голове разруха
и еще, возможно, сломана переносица

перенестись бы в рай, да куда без паспорта
хоть бы и в ад, да только с какого лядя
впрочем, на небе нет остановок транспортных

он-то пешком дойдет, а зверюги слягут

голодны псы, к ногам хозяина ласться
купол небес прошил самолета трассер
так и живут (живет) в ожиданье мастера
даже не смея выхаркнуть слово «мастер»
05.03.21

А дальше, в завершающих книгу стихотворениях, тихонько-тихонько начата попытка некоего синтеза на новом витке. Вот уже и про Ойкумену всё понятно, и о себе разном всё знаю, и различные системы знания превзойдены, а жизнь-то вся впереди. Вся оставшаяся. Силы прежние или нарастающие. Будет очень интересно. Жаль только, если следующей книги придётся ждать ещё семнадцать лет.

Но и это ничего.